

ПОЛИНА
ЕЛИЗАРОВА

ПОЛИНА
ЕЛИЗАРОВА

**ПОСЛЕДНЕЙ
ГЛАВЫ
НЕ БУДЕТ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е51

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Андрей Фerez*

Елизарова, Полина.

Е51 Последней главы не будет : [роман] / Полина Елизарова. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-17-099251-5

«Честно скажу, что события и герои этой книги находятся совсем далеко от того, чем живу сегодня я. Это совсем другая жизнь. Но и она кого-то волнует, а может, даже и больше, чем то, чем живу я. К сожалению... Что в такой ситуации, на мой взгляд, особо важно? Чтобы писатель умел писать вообще и знал о том, про что пишет. Полина Елизарова удивила меня тем, что знает и умеет и то и другое».

Захар Прилепин

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099251-5

© П. Елизарова, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Одним воскресным майским утром бабка Федосеева сидела у подъезда четырнадцатизэтажного панельного дома и толкла в голове тревожные мысли.

Вчера, во время празднования дня ее рождения, который уже много лет не приносил ничего, кроме выматывающих приготовлений, отзывающихся в теле головной болью, скачущим давлением и обострением артроза, ее внук Пашка, будучи выпившим, вдруг заявил родне, что у него до сих пор нет семьи потому, что он — гей.

Федосеевой в общем и целом было глубоко по фигу на геев, лесбиянок, наркоманов, ВИЧ-инфицированных, проституток и других, по ее мнению, «отбросов общества». Волновало ее только одно — она панически боялась рака и мечтала каким-нибудь схожим майским утром тихо и быстро помереть во сне от старости.

Но теперь к ее большому страху прибавился еще один, маленький и гадкий. А если факт этой мерзости, в которой живет внук, вдруг станет достоянием общественности?!

Перебирая в голове возможные способы утечки информации, Федосеева была вынуждена ненадолго отвлечься — из подъезда вышла семья, живущая вроде бы на седьмом этаже в угловой трешке.

Молодая нагловатая девица, держа в руке спортивную сумку, выпорхнула из подъезда первой и, не удо-

стоив взглядом пенсионерку, лихо щелкнула кнопкой на брелоке. Открылся багажник темно-синего новенького джипа.

«От ведь... Откуда ж такие деньжищи?! И ведь так и не замужем до сих пор. Ясен пень, где-то наворовали...» — со злорадством подумала Федосеева.

— На дачу? — лицемерно разулыбалась Федосеева.

— Угу, — вежливо кивнула в ответ Надежда, единственная из всего семейства, которую старушка помнила по имени.

— Так в отпуск-то вроде рановато...

— К вечеру вернемся, — сухо бросил всегда угрюмый Надеждин муж и, взяв жену под руку, заспешил к открытому багажнику, в который быстро сунул пакет из «Ашана».

— Ну что же, в добрый путь...

Потом бабка наблюдала, как молодая соседка, усевшись за руль неприлично дорогого авто, прежде чем тронуться с места, что-то эмоционально выговаривала родителям.

С этого момента Федосеева их больше никогда не видела.

Впрочем, нет, молодую соседку, вдруг ставшую похожей на пугливую тень, она встретила еще раз, месяцев восемь спустя, в подъезде около лифта.

Голову девушки неожиданно покрывал темный, закрывавший чуть не пол-лица, платок. Как обычно, не поздоровавшись, она не стала дожидаться лифта, вдруг резко соскочила с места и бросилась вверх по лестнице.

«С такими-то длиннющими да резвыми ногами и до четырнадцатого, небось, добежать можно...»

О том, что случилось с этой семьей, любопытная бабка Федосеева так ничего и не узнала. Она умерла от инсульта ровно через год, одним майским утром, как и зазывала — во сне...

1

В тот вечер, когда она впервые возникла в моей жизни, я увидел ее у входа в наш клуб. Она стояла с подругой, курила и смеялась дурным смехом. Громко, заливисто и от души, то ли в самом деле наплевав на всех, то ли только делая вид, что не замечает окружающих. Так, наверное, смеялись проститутки. Не нынешние, этих я повидал немало, а какие-нибудь томные кокотки времен Дюма. Вроде бы и нет никакой разницы — ну ржет девка и ржет, но тем не менее я эти мельчайшие, едва различимые слухом полутона тогда отчетливо уловил. Она ведь не столько хотела привлечь к себе внимание, сколько играла! Играла абсолютно осознанно и, надо отметить, почти великолепно!

Вторая, та, что была постарше, ей что-то рассказывала, совсем негромко, но протяжно и многозначительно вытягивала фиолетово-красными губами фамилии людей, знакомством с которыми, она, по всей видимости, гордилась, и все сыпала, сыпала какими-то бытовыми подробностями их жизни, непринужденно перепрыгивая с события на событие. И именно этот нелогичный, на первый взгляд, словесный поток и выдавал основной посыл ее монолога: «Я принадлежу к определенной касте, а здесь я так, случайно, просто покурить вышла!»

Ее роль мне была намного понятнее, и именно поэтому эта, вторая, мне сразу стала совсем неинтересна.

Высокая, очень худая, наверное, красивая, вся в чем-то фиолетовом, она лишь вызвала у меня тогда состояние тревоги.

Ненавижу этот цвет.

Ненавижу бытовые подробности из жизни публичных людей: они что, в отличие от нас, простых смертных, розами срут, что ли?!

А может, дело было вовсе не в этих уважаемых (кто бы спорил!) людях, а во мне.

Просто меня давно уже мало что интересовало в жизни.

Ну, это ладно, об этом я как-нибудь потом.

Но эту хохотушку с золотисто-красными, уложенными в мягкие локоны волосами, похоже, так сильно взволновал вовсе не сам (глупейший!) разговор, а что-то совсем иное.

Она только делала вид, что слушала подругу.

Я это понял сразу, как только она посмотрела на меня.

Она взглянула мне прямо в глаза, всего-то на несколько секунд, но именно этот ее взгляд еще долгое, долгое время не оставлял меня в покое!

Так смотрят те, кто знает что-то, чего не знают другие.

Так смотрят те, кто ни в чем не сомневается.

И вместе с тем так смотрят те, кто смирился.

Я же упорно пытался сделать вид, что не замечаю ни ее, ни эту, вторую, у которой ни на секунду не закрывался рот.

Я быстро добил сигаретку и собрался было пойти обратно в клуб.

Но тут вдруг рыжая обратилась ко мне с вопросом:

— Простите, пожалуйста, а программа еще не началась?

Будто кошка ласковая промурлыкала...

Я сразу понял: она специально «сделала» сейчас такой голос, ведь всего-то с минуту назад именно она так вульгарно, почти что хамски гоготала здесь на всю улицу!

Но эта игра, явно рассчитанная на меня (ведь больше там никого и не было!), совсем ее не портила.

И вообще, насколько я успел разглядеть, весь ее образ был слеплен из каких-то взаимоисключений: строгое черное платье (даже не щупая ткань и не глядя не лейбл, было ясно, что тянуло оно сотен на пять евро, никак не меньше), замшевые тупоносые ботиночки, какие могли носить в позапрошлом веке гимназистки, сумочка в тон и серьги с крупными голубыми камнями, названия которых я не знал. Лицо же у нее было раскрашено так, что хоть на обложку журнала, хоть на панель!

В смысле, леди, которые выбирают подобный стиль в одежде, такой мейкап себе обычно не позволяют.

Сколько нужно времени, чтобы выкурить одну сигарету?

Минуты две, максимум пять.

Так вот за эти пять минут, что я стоял и исподлобья наблюдал за ней, она успела сменить три состояния. Публичная девка, хохочущая так, что только ленивый не обернется, безобидная кошечка — ах, каким же тоном она протянула это свое: «Простите...» — и... потерянная, рассеянная, замкнутая внутри себя барышня явно не из нашего времени.

Я не знаю, что там происходило до, но после моего прихода, разом отсмеявшись, она совершенно точно только делала вид, что слушает подругу!

Но и на меня она, впрочем, почти не смотрела...

После того как она спросила, а я ответил: «Программа начнется через десять минут», девушка как будто бы потеряла ко мне всякий интерес.

Что было у нее на душе?

Муж, любовник, ПМС, все вместе?

Я тогда поймал себя на нелепой мысли: мне действительно интересно знать, о чем она думает!

В тот вечер в переполненном цветастыми платьями зале ее стройная фигурка в черном еще несколько раз попалась мне на глаза.

Программа ее явно не интересовала. Каждый раз, когда я украдкой бросал на нее взгляд, она то щебетала о чем-то со своей фиолетовой подругой, то с озабоченным видом копалась в мобильном.

Подле их столика то и дело ошивался «карлик» Гриша — самый популярный инструктор нашего клуба.

Ну, после меня, разумеется...

Раз так, значит, одна из этих подруг — сто процентов его клиентка, наш брат за просто так любезничать не будет! Подобострастное внимание к клиенту — это часть нашей скотской работы.

На меня же она больше не смотрела, совсем.

Ни ее, ни ее подругу я до этого мероприятия ни разу не видел в клубе. Но почему-то был уверен: доселе неизвестная мне клиентка Гриши именно эта, моя.

Моя... моя кто?!

Она запросто могла бы быть женой вон тому свинорылому дядьке, по-хозяйски оценивающему всех мало-мальски пригодных на то субъектов женского пола. Такие субъекты всегда начинают заниматься неохотно, исключительно под нажимом врачей или друзей, потом входят во вкус, тратят бабло, тренируются до седьмого пота, но на их запущенной где-то после тридцатника комплекции это, увы, почти никак не отражается. Дядьки, само собой, предпочитают отжиматься под руководством красивых и мускулистых девушек.

Она могла бы быть... нет, не дочерью, скорее, племянницей вон той тетке, светофорившей брендами, старой, по уши заколотой ботоксом, что-то шипящей в свой позолоченный Vertu тоном, не терпящим возражений. Для того чтобы быть ее матерью, тетка была слишком потерянная, слишком похабная.

Она могла бы спать с тем же Гришкой. Ну, простоват он, конечно, примитивен до тошноты, уж я-то его хорошо знаю! Но... почему бы и нет?

Рост — метр пятьдесят пять, не блещет умом, но смазлив ведь, дьявол! И глаза у него всегда как будто чуть пьяные, порочные... Ну, если даже я это замечаю, чего уж про них, про баб, говорить!

Но я, как ни крути, не видел себя ни в одной роли рядом с ней.

На то была причина.

Веская причина, по которой она не смогла бы даже гипотетически стать мне хоть кем-то.

Но почему-то именно в этот вечер я о ней почти что забыл.

2

Я их презирала.

Всех без исключения.

И тех, кто был по эту, мою сторону, и тех, кто был по другую.

Первых — за ненатуральность, ненужность и вымученность этого общения, за их неприлично юные и отвратительно старые тела в раздевалке, за их бессмысленные, тягучие, как жвачка, разговоры, за то, что у них есть любовники, и за то, что у них их нет, за катышки на колготках, за сумки стоимостью в автомобиль, за то, что они все-таки бросили курить или никогда не курили, за их неподдельный интерес к личной жизни друг друга и за то, что они друг друга же так неприкрыто ненавидят.

За то, что им не нужны были мои картины.

«Чем вы занимаетесь? Да?! Как интересно, и где выставляетесь?»

Нигде.

Впрочем, я достаточно быстро сообразила, что мне намного удобней отвечать: «Ничем».

Я ничем не занимаюсь.

Сплю до десяти, детей не имею, а днем прихожу сюда на фитнес.

На ближайшее будущее у меня есть только одна мечта — стать модной блогершей в Интернете.

А что?

Но если говорить о чем-то существенном, лет на десять вперед — так я просто хочу подохнуть к этому времени, только не от страшной болезни, а как-то так, просто — разом и без мучений!

Ну да, и еще я, конечно, работаю, чтобы обеспечить себе такое времяпрепровождение.

Я работаю содержанкой.

Да, вот так просто и откровенно!

Ведь то, что я произвожу своими руками, не приносит мне никакого дохода. А то, что сложно объективно оценить в какой бы то ни было валюте, позволяет мне неплохо существовать в этом убогом мире.

Если кто-то подумал, что я продаю секс, тот тупой придурок. Секс продают мигрантки из ближнего зарубежья, за этим, пожалуйста, к ним. То, что предоставляю я, есть услуга совершенно другого порядка.

Да, именно так и никак иначе!

А вот этих, вторых, разговоры о которых только и были по-настоящему интересны первым (из женской раздевалки), я презирала за то, что они будто одним местом чувствовали, кем я на самом деле работаю...

Вы, наглые мальчики, разбирающиеся лучше меня в дорогих часах и автомобилях, вы приезжаете сюда из всех отдаленных уголков нашей страны, живете в съемных хатах, экономите на всем, на чем только можно, мечтаете найти здесь дуру с квартирой или дуру, которая может вам ее купить, загрязняете воздух своим акцентом,

забываете стоянки своими машинами экономкласса, купленными в кредит, и считаете нас средством достижения единственной цели — лет через пять всеми правдами и неправдами вымутить себе уютное гнездышко где-нибудь рядом со МКАДом.

И всё. Теперь вы москвичи!

Я часто спорю на эту тему с Николаем Валерьевичем.

Он-то считает, что так оно и должно быть, а то без этого русские скоро повымрут, как динозавры. Приезжают самые жесткие, самые приспособляемые, самые крепкие самцы из тех, что живут в России.

А что же москвичи?

Где они все? Это вообще — отдельная песня.

В общем и целом я с профессором согласна, но все равно спорю с ним из духа противоречия: потому что обидно, потому что я этих мальчиков презираю. Иногда больше, чем себя, иногда меньше.

Все зависит от дней цикла.

После того как окончательно зарубцевались швы от моей последней (неужели?!) операции, Николай Валерьевич купил мне годовое членство в самом дорогом фитнес-клубе столицы.

«Крылья» — вот как называется эта ложь.

Логотип клуба — стройнящая девушка, а вместо рук у нее — крылья стрекозы. Все девочки с детства мечтают быть похожи на Дюймовочку: грациозную, беззащитную такую, парящую...

Только природа еще обратного процесса не создала. Хрупкая мечтательница быстро превращается в тяжелолазную тетю, а вот когда наоборот... но что-то чудес я здесь пока не наблюдала! Ха-ха!)

Танцы, йога, тренажеры, пилатес — в первый месяц я ходила на все подряд! Это так рекомендуют здесь. Мол, сначала на групповые занятия ходите, определитесь, что вам ближе, а потом уж и к индивидуальным сетам

можно переходить. Избегала я только бассейна — брезгую, да и швов своих стесняюсь...

Поначалу-то я даже спать стала лучше.

Но, не успев толком обрадоваться новым знакомствам, быстро поняла: я и здесь чужая.

Плевали они и на меня и на мои картины.

И тех и других интересовало только одно — своя или искусственная у меня грудь.

Своя, своя, у меня все свое — и снаружи, и внутри, а как может быть иначе?!

Вчера я поругалась с Николаем Валерьевичем.

Он настойчиво, до омерзения терпеливо, так, будто сверло в мозги вкручивал, звал меня ужинать в ресторан.

Конечно, там подразумевалась компания. Чистенькие дядечки возрастом около пятидесяти — шестидесяти.

К концу вечера, когда поплывут в сытом блаженстве их жирные рожи, пепел от сигар гадкой перхотью будет сыпаться на их пиджаки. А других людей в его окружении почти нет.

А ведь я ему еще третьего дня говорила: не тронь субботу, на субботу у меня Ада!

«Ну что поделать? Давай и Аду с нами позовем!»

Вот только самой Аде это никаким боком не нужно.

Ада была моей двоюродной сестрой и единственным в мире человеком, которого мне хотелось видеть если не часто, то всегда с удовольствием.

С ней мы были, что называется, «на одной волне». Существовали параллельно, не мешая, но уважая, а когда это было действительно необходимо — помогая друг другу.

Сестра была тем человеком, который на самом деле понимал, что не за длинным рублем, не за крышей над головой я погналась, когда приняла предложение Николая Валерьевича.

К нашим отношениям она всегда относилась вроде как сдержанно, но так, словно бы оберегала их, словно им покровительствовала.

Они познакомились в больнице, когда Ада меня навещала.

Да, вчера Николай Валерьевич, похоже, не на шутку обиделся!

Я достаточно резко объявила ему, что очень хочу пойти на вечеринку в фитнес-клуб, куда заранее пригласила сестру. На самом-то деле я не хотела вообще никуда идти, но если выбирать из двух зол — то в ресторан мне хотелось значительно меньше.

Я опоздала.

Ада, моя суперпунктуальная Ада, как дура, двадцать минут просидела на парковке в своей машине!

Но моей вины в этом не было.

Из-за страшной аварии на дороге образовалась пробка. Какой-то пьяный козел не справился с управлением, врезался в автобусную остановку и сбил сразу нескольких детей-инвалидов, группу которых куда-то собирался везти их сопровождающий.

«Скорая», менты, уличные зеваки. Для объезда места трагедии была оставлена только одна полоса движения. Вечером об этом ужасном происшествии сообщили во всех новостях!

Вообще-то я обожаю опаздывать, но только не к Аде. Она, конечно, прямо не скажет, но когда бывает чем-то расстроена, то всегда чуть сдвигает свои красивые брови, целует без теплоты, едва прикоснувшись к щеке, и мало говорит. А я люблю ее голос, переливчатый, глубокий, с такой непостижимой тайной глубиной.

Встретить на дороге свадьбу — к долгой и счастливой жизни, встретить катафалк — к несчастью.

Но только не для меня, на меня не действуют никакие приметы!